

дѣлающими орудіемъ абсолютнаго познанія такъ называемую «интуицію, по существу представляющую то, что Толстой называетъ «чувствомъ». «*Чувствовать Бога въ себѣ можно и не трудно. Познать же Бога, что Онъ такое—невозможно и ненужно*». «*Чувствовать Бога можетъ всякій, но познать Его не можетъ никто. И потому не старайся познавать Его, а старайся, исполняя Его волю, все живѣе и живѣе чувствовать Его въ самомъ себѣ*». (Тамъ же, 12 стр.).

Богъ невыразимъ въ словахъ и понятіяхъ, ибо если бы Онъ былъ выразимъ, то нельзя было бы больше стремиться къ Нему, не было бы тогда жизни, и Онъ не былъ бы безконечностью. Поэтому, «даже мѣстоименіе «Онъ»,—говоритъ Толстой,—относимое къ Богу, уже нѣсколько нарушаетъ для меня все значеніе Его. Слово «Онъ» какъ-то умаляетъ Его». При желаніи можно было бы провести очень близкую аналогію между ролью интеллекта по Толстому и такъ называемымъ «кинематографическимъ способомъ мышленія» Бергсона, ¹⁾ съ одной стороны, между «чувствомъ» Толстого и «интуиціей» Бергсона—съ другой.

Итакъ, Богъ не вполне познаваемъ, но вполне «чувствуемъ». Мы не можемъ Его выразить, но можемъ вполне чувствовать (см. ниже).

Каковы же теперь тѣ Его свойства, которыя мы познали и можемъ выразить въ словахъ? Это *любовь, разумъ, абсолютное совершенство, истина и абсолютная разумная воля*. «Любовь и разумъ, говоритъ Толстой, это тѣ свойства Бога, которыя мы сознаемъ въ себѣ, но то, что Онъ самъ въ себѣ, этого мы не можемъ знать». «Человѣку нужно любить, а любить по-настоящему можно только то, въ чемъ нѣтъ ничего дурного. И потому должно быть и то, въ чемъ нѣтъ ничего дурного. *А такое существо, въ которомъ нѣтъ ничего дурного, и есть только одно: Богъ*». Далѣе: «Человѣкъ не можетъ не чувствовать, что его жизнью что-то дѣлается, что онъ чье-то орудіе. А если онъ орудіе чье-то, то и есть тотъ, кто ра-

¹⁾ См. А. Бергсонъ. «Творческая эволюція» и «Введеніе въ метафизику».